

*Посвящается маме,
научившей меня всему
о жизни в искусстве*

Глава 1

Воскресенье, я работаю в гротеске.

Жирный шрифт для заголовков — так пожелал клиент, — макушки сплющены, как крыши и столешницы, каждая буква тянется, старается и требует, чтобы ее увидели.

Все буквы прописные, но не потому, что ей нравится кричать — по крайней мере, мне так кажется, хотя однажды я увидела, как ее муж дал их малышу глотнуть немного кофе, и от ее взгляда у него, наверное, весь подбородок облысел за сутки. Нет, я думаю, что ей просто не нравится, когда что-то выходит за дозволенные рамки. Все ровное, однообразное, без отвлекающих факторов, чтобы глазу было не за что зацепиться.

Черные и серые чернила — с этим она еще будет мириться, но не более. Это не шутка. Однажды я увеличила трекинг и добавила чуть-чуть металлика — тонкие золотистые линии к вертикальным элементам каждой буквы. Строгая нота ар-деко, с которой, я была уверена, она смирится, но открыв планер (черный, в точку, формат А4, никакой вычурности), она захлопнула его, не прошло и десяти

секунд, и двумя пальцами отодвинула от себя. Рукав ее черного кашемирового свитера точно был частью этого заявления.

— Мэг, я плачу тебе не за декор, — сказала она. Будто декор — это удел хламоборщиков и наемных убийц.

Это женщина в стиле гротеск.

А я? Все эти бренды вроде транспортных компаний — большие, массивные, строгие буквы — не в моем стиле. Не в моем привычном... как там написали в прошлогоднем «Нью-Йорк таймс»? Причудливый? Жизнелюбивый? Озорной? Вот, точно: не в моем привычном причудливом, жизнелюбивом и озорном стиле. Но еще в «Нью-Йорк таймс» написали, что с буквами я могу сделать что угодно. Этим я и занимаюсь в воскресенье.

Вздыхаю и смотрю на лист передо мной, где набросала своим карандашом *Staedtler*¹ буквы:

М-А-Й

для наступающего месяца. Достаточно крупно, «А» даже пересекает центральную линию. Слово очень... очень короткое, у него мало возможностей, в отличие от моих клиентов, которым хочется красивый весенний узор перед разворотом на месяц: крупные мазки, изящные завитки на концах букв, провозглашающих радость нового месяца. Я сделала уже четыре «*Цвети на своей клумбе*», три «*Май цветет!*», а также индивидуальный запрос на «*Страстный месяц май*» от сексолога, у которой офис в элитном квар-

¹ Бренд канцелярских товаров. (Здесь и далее прим. ред.)

тале Бруклина и которая сказала мне поразмыслить, не намекает ли моя коллекция карандашей на что-нибудь конкретное.

— Конкретнее моей работы? — спросила я, на что в ответ получила очень осудительно вздернутую и очень ухоженную бровь. Бровь сексолога, которая будто говорит: «Я знаю, какая пустошь у тебя в половой жизни». Планер у нее в розовой кожаной обложке с золотистой кнопочкой. Надеюсь, она понимает всю иронию.

Я беру свой любимый линер из линейки *Micron*, тонкий и острый — ни на какие перспективы в половой жизни, я надеюсь, не намекающий — и безразлично тычу им в обшарпанную деревянную столешницу. Сегодня это мое рабочее место. В магазине тихо, осталось полчаса до закрытия.

Местные по выходным нечасто заходят, потому что здесь собирается толпа приезжих с того берега реки и туристов, прочитавших о «ламповом канцелярском магазинчике» в Бруклине, которую Сесилии удалось превратить в обязательную для посещения достопримечательность, по крайней мере для тех, кто не прочь закупиться. Но и такие покупатели давно разъехались, набрав полные пакеты милых открыток, коробочек с дизайнерской бумагой, профессиональных ручек, маркеров и карандашей, кожаных блокнотов и, возможно даже, купив парочку довольно дорогих дизайнерских подарков, которые Сесилия выставляет перед входом... В былые времена, когда я работала здесь чаще, мне нравились эти моменты тишины, когда в магазинчике нет никого, кроме меня, моего ни на что не намекающего линера и листа бумаги. И вся моя работа в этот миг —

творить. Играть буквами, экспериментировать с их формой, раскрывать их возможности.

Сегодня это затишье меня не радует. Наоборот, мне хочется, чтобы вернулась эта воскресная суета, потому что она мне нравится: шум, люди, лицом к лицу с новыми лицами. Сначала я думала, что чувствую себя так с непривычки, оттого что долго не прикасалась к телефону — вынужденный отдых от всех этих красных кружков с уведомлениями, которыми кишат иконки моих соцсетей. Это лайки и комментарии к видео, которые я когда-то выкладывала ради удовольствия, а теперь почти всегда для спонсоров. Видео, где я демонстрирую брашпены¹, которыми вообще-то почти не пользуюсь, или плавным движением руки делаю изящный росчерк, где пролистываю толстый планер с уголками, отделанными фольгой, который я не смогу продать и в итоге просто подарю.

И все-таки я поняла, что это не только из-за смартфона. Все дело в отдыхе от списка основных задач, который я прикрепила над рабочим столом в своей комнатухе. Причудливо оформленный, но насыщенный ожиданиями дедлайн с треском приближается, а я в его сторону и шагу не сделала. Я расслабилась вдали от дома, где когда-то царила теплая и радостная атмосфера, а теперь Сибби меня как ножом режет своей сдержанной вежливостью, и я не нахожу места от грусти и обиды.

Поэтому в пустоте магазина мне тяжело и одиноко. Она напоминает об ужасе, который я теперь ис-

¹ Б р а ш п е н (*англ. brushpen*) переводится буквально как кисть-ручка и представляет собой ручку с чернильным картриджем и кисточкой-наконечником из полимерного или натурального материала, предназначенную для рисования.

пытываю в подобные моменты тишины. В голове пустота и никакого вдохновения. Сейчас передо мной лишь слово **М-А-Й**, это *должно быть* просто. Должно быть легче легкого, это просто заказ, нет никакого риска, повода неделями прокрастинировать над этим заданием. Ничто здесь не требует моих идей, воображения, уникальности.

Гротеск. Жирный. Прописные буквы. Никакого озорства.

Но ведь я чувствую что-то, смотря на это слово. Что-то знакомое, что-то, от чего я все эти дни пыталась убежать.

Я чувствую, что делают эти буквы. Говорят правду, которую я не хочу признавать.

МОЖЕТ *быть, у тебя ступор*, говорят они. Я моргаю, чтобы прогнать это видение. Я пытаюсь ненадолго расфокусировать зрение, мысленно добавить надписи декор, представить, что мне не надо сдерживать данные клиенту обещания. Что бы я сделала с шириной нижних элементов? Поиграла бы с отрицательным интервалом или...

МОЖЕТ *быть, ты одинока*, перебивают буквы, и зрение снова фокусируется.

МОЖЕТ *быть*, говорят они, *ты просто на это не способна*.

Я положила линер и отшатнулась.

И тут зашел он.

Дело в том, что буквы открывают мне правду не только обо мне.

Иногда они говорят и о других людях; Рид Сазерленд оказался как раз таким человеком.

Помню его, будто вижу каждый день, хотя с нашей первой и единственной встречи прошло уже больше года, к тому же в тот раз я провела не больше часа в его молчаливой, неприветливой компании. Он тогда опоздал. Невеста ждала его в магазине, чтобы одобрить мой проект шрифтового оформления их свадьбы. Даты, приглашения, карточки гостей, программа мероприятия — я занималась всем, что содержало буквы и, честно говоря, к тому моменту отчаянно хотела побыстрее закончить, чтобы наконец отдохнуть. До переезда в Бруклин я несколько лет жила фрилансом, но с тех пор как начала работать только с Сесилией и брать заказы на оформление свадеб и помолвок, которые поступают через магазин, молва обо мне разошлась с такой скоростью, что я не знала, радоваться или пугаться. Ко мне поступало столько заказов, что от части из них пришлось отказаться. Но это лишь усилило ажиотаж. Днями напролет голова моя была забита требованиями клиента и дедлайнами, а ночью руки ныли от усталости и напряжения. Я часто сидела на диване, держа в правой руке мешочек теплого сухого риса, чтобы унять боль, и выдыхала стресс от встреч с парочками и их семьями. От предсвадебной суеты они все были как на иголках, а я с улыбкой успокаивала их, набрасывая на бумаге красивые романтические надписи, от которых они умилялись. В те времена я думала навсегда уйти из свадебного бизнеса.

Невеста — Эйвери, светловолосая и тонкая, почти всегда одета в персиковый или кремовый, или пастельно-голубой, или в любой другой оттенок, который я неминуемо заляпала бы чернилами, кофе или кетчупом — оказалась очень приятной девушкой,

вежливой и сосредоточенной, прекрасно знающей себя и свои желания, однако совершенно не противящейся предложениям Сесилии касаясь бумаги и моим, касаясь леттеринга. На нескольких первых встречах я спрашивала про ее жениха: надо ли и ему тоже отправить сканы по электронной почте, или, может, найдем время на выходных, чтобы он смог присоединиться к обсуждению. В ответ она лишь взмахивала левой кистью с тонкими пальцами, на одном из которых было миниатюрное серебряное кольцо, почти неотличимое от колец еще по крайней мере трех невест, с которыми я работала той весной, и мягко произносила: «Риду понравится то, что нравится мне».

И все же я настояла, чтобы он пришел на нашу последнюю встречу.

А потом пожалела. Что увидела его. Увидела их вместе.

Теперь еще больше жалею.

Та встреча состоялась в воскресенье, так что вдвойне странно увидеть его снова в этот же день недели. В моей жизни много всего произошло, хотя сейчас я в том же магазине, за тем же прилавком, одета в то, что вроде бы соответствует моему обычному стилю — вязаное платье, не очень облегающее, с принтом — сегодня это лисьи мордашки. Поверх него немного мятый кардиган, который я всего час назад достала из сумки. Темно-синие колготки и винно-красные ботинки на низком каблуке. Сибби сказала бы, что в них мои ноги кажутся больше, но глядя на них, я улыбаюсь как минимум раз в день, не смотря на отсутствие шуток Сибби.

В прошлом году он одевался в стиле, который все называют «бизнес-кэжуал», а я — «выходные в

одном месте чешутся»: брюки чинос наглажены до того, что кажутся накрахмаленными, белая рубашка с отложным воротом выглядывает из-под дорожного темно-синего джемпера. Лицо сбивает с толку, его надо разгадывать: одна половина тебя пытается вспомнить, не видела ли его по ТВ, а другая понять не может, кому вздумалось посадить эту голову к телу в форме школьной команды умников и умниц.

Теперь он стал другим. Ну ладно, лицо то же: квадратная челюсть; гладко выбритые щеки и подбородок; высокие и острые выточенные скулы, тень от которых спускается к самому подбородку; пухлые губы; слегка опущенные уголки рта; выразительный, как и все черты его лица, нос; сияющие голубые глаза; густые брови, чуть светлее его золотисто-рыжеватых волос. Правда, книзу от шеи никакого бизнес-кэжуала: оливковая футболка, поверх нее темно-синяя куртка с чуть выцветшей у молнии тканью. Темные джинсы, руки в потертых карманах... и кажется, эти потертости не дань моде. Серые, заношенные кроссовки.

МОЖЕТ *быть*, размышляю я, *его жизнь тоже стала другой?*

И тут он говорит:

— Добрый вечер, — иными словами, у него все еще чешется в одном месте. Кто вообще так приветствует? Мой дедушка, вот кто. Когда звонишь ему по городскому телефону.

Такое ощущение, будто простое «привет» в ответ на это прорвет дыру в пространственно-временном континууме, ну или как минимум заставит его поежиться и затянуть несуществующий галстук. Не стоит судить книгу по обложке. Может быть, по пути сюда на него налетел свирепый капитан команды по

дебатам и отобрал одежду? И вот почему Рид в таком виде?

Мой выбор падает на «здравствуйте», но в легком и радостном — жизнелюбивом, если хотите, тоне. Я почти уверена, что он кивнул, как будто говоря: «Что ж, это приветствие меня достойно». Мимолетно представляю его на свадьбе — наверняка он точно так же кивнул, когда регистрирующий брак сказал: «...мужем и женой». Возможно, он и Эйвери вместо поцелуя пожали руки. Думаю, она не возражала бы — ее губы всегда были идеально накрашены.

— Добро пожаловать в... — начинаю я, и он меня перебивает.

— Вы все еще здесь работаете, — произносит он тем же ровным безразличным тоном, как и всегда, но в его голосе прячется нотка вопроса, удивления.

Возможно, он знает, чем я занималась с тех пор, как оформила каждую бумажку на его свадьбе. Но, само собой, он не может знать — откуда же ему знать, — почему его свадьба стала последней в моей карьере.

Я сглатываю.

— Я подменяю владелицу, — говорю я не так жизнелюбиво, скорее осторожно. Она в отпуске.

Он стоит прямо в дверном проеме, под яркими бумажными журавликами, которые Сесилия развесила у входа. На витрине за ним выставлены обрезы дизайнерской упаковочной бумаги, о которой она рассказала мне пару недель назад, когда я приходила за покупками. Все они такие разноцветные, искрящиеся весенними розовыми, зелеными и бледно-желтыми оттенками — радостное убежище от унылой серости городских улиц. А теперь сюда будто вошел небоскреб.